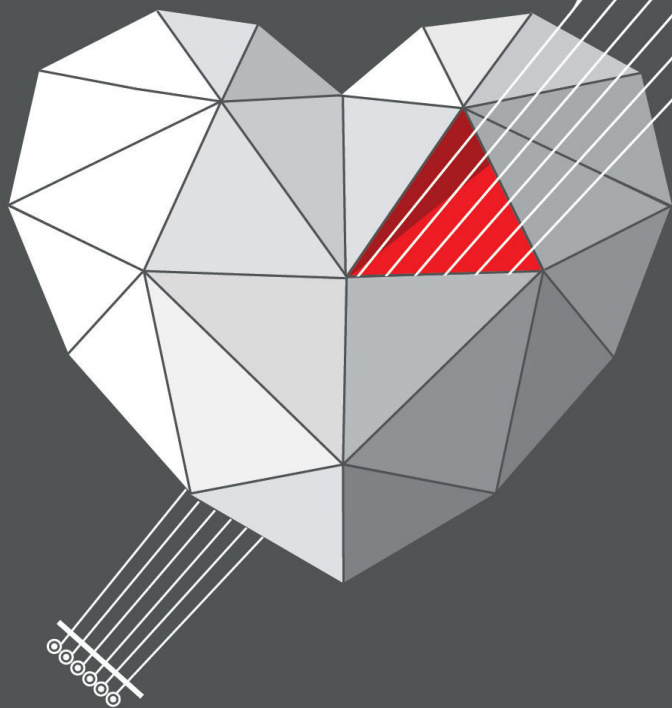

ВЛАДИМИР КАЧАН

На КОСТЫЛЯХ ЛЮБВИ

Владимир Качан
На костылях любви
Серия «Одобрено Рунетом»

<https://litres.ru/48884220>

На костылях любви:

ISBN 978-5-17-118589-3

Аннотация

<p>Вспомним удивительную закономерность: если человек талантлив, то обязательно сразу в нескольких направлениях. Это как раз про Владимира Андреевича. Одна из граней его таланта – прекрасная, ироничная, иногда немного грустная, а иногда уморительно смешная, но в любом случае качественная проза, написанная на одном дыхании. И читается она также: открываешь первую страницу и... не можешь оторваться.</p>

Содержание

А теперь беги!	5
Похищение и наказание	31
Часть I	31
Глава 1	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Качан

На костылях любви

© Владимир Качан, текст, 2019

© Юлия Межова, иллюстрации, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

А теперь беги!

После того как Гена ее убил, ему стало тяжело жить, вернее, не то чтобы тяжело, а как-то беспокойно. И хотя он убил ее не прямо, не физически, а косвенно, беспокойство и душевный дискомфорт не оставляли. Она уже не жила, а Гена жил и собирался жить еще долго.

Сам он очень боялся смерти, он знал, что когда-то это произойдет, но всячески гнал от себя эту мысль; он полагал, что ему в этом смысле повезет больше, чем другим: он будет жить долго, рано не умрет. Ничем серьезным он никогда не болел, но, где бы у него ни закололо или ни заболело, он непременно подозревал рак, никак не меньше. И, хотя в глубине души Гена умирать не собирался, тем не менее этак сладенько со смертью поигрывал, заигрывал с ней в преде-

лах допустимого: то улицу перебежит в опасном месте, то заплывет далеко в море, но не очень далеко, в общем, рисковал, но не сильно. Другьям и знакомым он говорил, что не доживет до сорока, втайне ему мерещился заветный возраст – тридцать семь, но, когда он благополучно перешагнул через этот рубеж, он стал говорить о сорока двух – сорока трех годах: линия жизни на ладони у него именно такая, он выдумал какую-то таинственную цыганку, в юности нагадавшую ему смерть именно в этом возрасте. Ну, разумеется, если возросла продолжительность жизни вообще, то и продолжительность жизни высокоодаренных людей тоже: раньше было тридцать семь, теперь где-то 42–43. Ну, и без цыганки в этом вопросе тоже было нельзя – у Пушкина была ведь кофейная гадалщица, а еще цыганка Таня, предсказавшая ему смерть от белой головы, стало быть, и у Гены должна была появиться эта цыганка.

Он был очень мнительным и страстно влюбленным в себя человеком. Он любил себя так, что даже не мог в полной мере ответить себе взаимностью, это была даже не страсть, а постоянное холение и лелеяние себя, нежелание отказать себе ни в чем, он баловал себя и все себе прощал, но после того как он убил ее, наступил у Гены разлад с собственной персоной, потерял он согласие с собой, даже как-то немного охладел к себе. И хотя он убил ее не прямо, не физически, а косвенно, беспокойство и душевный дискомфорт не оставляли его.

А дело было так. Нина вышла замуж за Валентина не по любви, наоборот, это Валентин очень любил Нину и готов был сделать для нее все, лишь бы она была спокойна и счастлива. Но Нина с детства тяжело и постоянно тянулась к Гене и, хотя видела, что Гена к ней равнодушен, ничего не могла с собой поделать. Гена же не любил ее не потому, что Ее, а потому, что вообще не мог никого любить, иначе он изменил бы себе, а себя он обожал самозабвенно и нежно. Таким образом, складывалась типичная для русской классики картина: Валя любит Нину, Нина любит Гену, Гена любит себя. Но если не любишь, так и не люби, будь в стороне, но нет: Гена широко пользовался любовью Нины, он барственно позволял любить себя.

Справедливости ради надо сказать, что некоторое время Гена сопротивлялся: он видел, что отношение к нему этой девушки слишком серьезно, и смутно чувствовал, что если пойдет на поводу у похоти, то это будет большой грех. Даже уговаривал Нину остыть, выйти замуж за Валу, но уговаривал как-то так, что она, бедная, совсем сторала; он уговаривал Нину не любить себя с каким-то трагическим кокетством: выходи замуж, а я... как-нибудь один, это моя судьба, – короче, так, что с бедной девочкой становилось совсем плохо.

В конце концов она вышла замуж за Валу словно по приказу Гены. Если бы он велел, она вышла бы за дворника Мустафу из их дома, но он сказал: «Выйдешь замуж за Валу,

будешь как за каменной стеной, – и прибавил, грустно глядя за воображаемую линию горизонта: – И забудешь меня...»

– У меня сердце ноет, – сказала Нина. – Поцелуй меня на прощание. Хоть один раз.

– Не надо, – сказал Гена и еще раз внутренне похвалил себя за мужество и волю: ведь Нина была очень хороша собой, а Гена – нет, ни в какую, умница...

И она пошла замуж за Валу, который, казалось, ждал ее всю жизнь, потому что так приказал любимый. Впрочем, Валя этого не знал, а если бы и знал, в его поведении вряд ли бы что-то изменилось. Валя был, что называется, из надежных людей.

Но когда Нина оказалась Валиной женой, когда его любовь, доверие, внимание и деликатность стали залечивать ее душевную рану, заглушать и ретушировать ее сердечную боль, – вот тогда-то Гене и стал подмигивать дьявол, вот тогда он возжелал Нину снова. Ситуация довольно типичная, и Гена это понимал. Понимал, что он не один такой, достаточно вспомнить хотя бы Онегина, которого потянуло к Татьяне, когда она вышла замуж. Он знал это, наблюдал в других раньше. И ничего не делал, чтобы изменить себя: Гена считал, что это незачем, таким создала его природа. Кроме того, жить так удобно и хорошо: можно разрешать ухаживать за собой и позволять другим себя беречь, можно, наконец, позволять себя любить и, как клоп, высасывать кровь из любящего человека, покуда хватит аппетита, до последней капли.

Гена так и поступил. Случилось так, что Валя уехал на несколько дней по делам, и тогда Гена пришел к Нине.

Пришел, когда ей казалось, что она уже перестала его любить. Гена вначале позвонил, Нина сняла трубку и вдруг, после его «алло», почувствовала, что сейчас упадет. Ее выстроенный мир, ее маленькая крепость оказались сложенными из костяшек домино: чуть-чуть толкни – и все сразу посыплется. Но она еще держалась.

Она, как ей казалось, непринужденно и легко спросила его:

– Как дела?

Он помолчал, спросил:

– Нельзя ли обойтись без дежурных вопросов? – потом еще помолчал и добавил: – Я ошибся, отпустив тебя, я о тебе все время думаю, ты мне снишься, я хочу тебя обнимать, это меня мучает.

Гена не стеснялся таких слов. Из посещенных сеансов индийского кино он знал, что мелодрама пробьет себе дорогу к сердцу любой женщины. И Нина заплакала от облегчения и странного одновременного ощущения горя и счастья. Горя – оттого, что это рушило ее сложившуюся жизнь, а облегчения и счастья – оттого, что она тайно от всех и от себя об этом мечтала. И, словно плотина прорвалась, Ниной завладели нежность и желание. Она только и смогла прошепелеть в телефонную трубку:

– Зайди... сейчас.

Ее стала колотить крупная дрожь, она побежала прибирать комнату.

Через пятнадцать минут пришел Гена.

Все произошло мгновенно. Еще в передней она раздела его и себя, не переставая целовать; в глазах Гены промелькнул некоторый испуг перед шквалом такой обнаженной искренности и страсти, но Нина не обратила на это внимания, а скоро Гена и сам отвлекся, отдавшись инстинктам.

Он вкушал запретный плод, запретный по всем моральным категориям, внушенным с детства; он делал это тайно, отчего тот был еще слаще, и, самое главное, Гена чувствовал, что имеет над Ниной полную власть, что она будет делать все, что он попросит, и сейчас, в постели, и потом.

И он просил. Даже не просил, а просто велел, говорил, чего хочет, – и все так и было. А потом она долго спрашивала, что же будет дальше с ней, как он теперь распорядится своей властью, что он прикажет ей делать. Гена пытался очень мягко объяснить, что ничего делать не нужно, что пусть все остается, как и было, пусть Валя ничего не знает, а они найдут время и способ, чтобы встречаться. Она говорила «конечно», а сама думала, что от Вали скрыть ничего не удастся: муж слишком ее любил и слишком чувствовал в ней малейшую перемену. Но любимый, ее хозяин, сказал, что будет так, – и так было.

Через два месяца ощущение остроты и пикантности воровства у Гены не притупилось, пока ему не осточертело веч-

ное выражение собачьей преданности в глазах любовницы. Они стали встречаться реже и реже, она плакала и говорила, что, если он ее оставит, она не будет жить. Гена не придавал ее словам значения, считая их обычной дамской истерикой. Больше всего его раздражала банальность обрыдлого треугольника, миллион раз встречавшегося в жизни, в кино, в литературе. Все происходило по дурацкой схеме: она изменяла мужу, затем любовник охладевал к ней, затем она травилась или бросалась под поезд. «Но время другое, – думал Гена. – Сейчас все стало настолько проще и циничнее, настолько обмелели и сузились, так сказать, реки страстей человеческих, настолько каждый заиклен на себе (Гена всех мерил по себе), что никто с собой не кончает. Поплачут, напишут прощальные стихи и живут дальше, любят других, а это все, что казалось в свое время важным, становится со временем даже смешным и занятным: мол, со мной ли это было?..»

Наконец наступил момент, когда Гена порвал постылую связь и не появлялся целых полгода. Через эти полгода, осенью, теперь-то он намертво помнил число, 1 ноября, он сильно напился и позвонил, решив, что, если трубку снимет Валя, он просто не будет говорить. Но трубку сняла она, Валя был на работе, и он снова пришел к ней с бутылкой коньяка, а когда еще немного выпил, опять взял то, что хотел, хотя Нина была уже в его руках не любящей истступленно женщиной, а безвольной, постоянно плачущей и покорной: если

тебе очень надо – на.

Потом Гена сразу ушел, прихватив оставшийся коньяк (все-таки улика), – а у дверей, не оборачиваясь, сказал:

– И так будет всю твою жизнь, поняла?

Наутро Валя пришел с работы и застал жену отравившейся снотворным. Смерть наступила, как сказал потом врач, в четыре часа утра. Ни предсмертной записки, ни объяснения случившемуся не было.

Гена узнал о смерти Нины от Вали, который позвонил ему, чтобы позвать на похороны. Он пришел и уронил слезу над гробом, а когда отходил, поймал на себе слишком пристальный взгляд Нининой подруги Веры. Вера смотрела на него с безгловым испугом, как на подползающего гада. Гена обеспокоился, но быстро утешил себя: ведь никто ничего доказать не может, их встречи с Ниной происходили с глазу на глаз, и его никогда не видели даже соседи, уж об этом-то он позаботился. А еще он сказал Нине, чтобы ни одна душа о нем не знала, и он был уверен, что Нина не слушается. Ну а если она Вере что-то и сболтнула, то это сумасшедшие фантазии: все знают, что Нина раньше любила Гену и вот создала себе иллюзорный мир их встреч, что потом привело к психическому расстройству и трагическому концу, Гена тут ни при чем, все знают, что он даже уговаривал ее выйти за Валу.

И потом, когда они собрались на поминки, и позже, когда они с Валей остались вдвоем, вспоминали и молчали,

он чувствовал, что его начала незаметно засасывать и остро тревожить эта странная игра. Он знал, а Валя – нет, и Валя относился к нему как к ближайшему другу, и выплескивал перед ним свою боль, свою душу, и говорил, что всегда знал о Нинином чувстве к Гене, но Гену за это не винил, а только старался принести ей покой и радость. Гена чувствовал странную и болезненную тягу к Вале. Но спустя какое-то время это гипнотическое любопытство, этот ирреальный интерес не прошел, а усилился. Как Раскольников возвращался к месту преступления, так и Гена постоянно искал контактов с Вале. Не было недели, чтобы они не встречались, и их странная дружба становилась все теснее. Причем Вале все казалось совершенно естественным, а у Гены очень скоро появилось чувство, что он гуляет на грани сумасшествия, что должен совершиться поворот и разрешиться каким-то событием, иначе он и вправду может свихнуться.

И вот, ровно через год после событий, 1 ноября, Гена спустился в подвал, где работал Валя, с тем чтобы предложить другу отметить годовщину со дня смерти Нины.

Гена уже несколько раз бывал в этом подвале и каждый раз спускался туда с неприятным ощущением, что это уже было – то ли в какой-то другой жизни, то ли во сне (то, что называется дежавю). Ступени подвала стерлись, в центре каждой ступени образовалась впадина, так давно по ним ходили вверх и вниз, лестница была крутой и очень узкой, а стена справа – из красного облупившегося кирпича. За стену при-

ходилось каждый раз хвататься, так как лестница была очень крутой, а ступени – скользкими. Гена уже почти спустился в каменный мешок, как вдруг прямо перед ним возник Валин напарник, Гена не помнил, как зовут его, и быстрой презрительной скороговоркой сообщил Гене, что Валя знает все.

– Что – все? – спросил Гена посеревшими губами, хотя заранее знал ответ.

– Да все, – сказал напарник. – Отчего его жена умерла. Ему кто-то рассказал. И не надо перед ним ломать комедию, не стоит, время дорого, и я сейчас все это тебе сообщаю не из-за твоих красивых глаз, а потому что боюсь за Валу: ведь он тебя сейчас ищет, а найдет – убьет, а убьет – сядет в тюрьму. Поэтому шанс бежать у тебя есть только сегодня и немедленно. Если сегодня Валя на тебя наткнется, то кончит сразу, завтра у него, может, еще что-то притупится, уйдет, может, обратится в суд, а там неизвестно, что и как повернется, – где доказательства? Но сегодня надо бежать и прятаться, сегодня непременно убьет, и надо уходить отсюда как можно скорее.

С этими словами он развернул одеревеневшее туловище Гены обратно к выходу и слегка подтолкнул. Гена остался стоять, ноги не двигались.

– Беги, гад! – хлестнул сзади фальцетный вскрик, словно будя его.

И Гена медленно и странно, как в рапидной съемке, побежал вверх на ватных ногах. Он выбежал на улицу и несколь-

ко секунд метался из стороны в сторону, не зная, влево или вправо ему кинуться. Почему-то в голову пришла мысль побежать домой и переодеться во что-нибудь эдакое, чтобы его не сразу узнали, но потом он сообразил, что Валя может ждать его возле дома, и бросился в обратную сторону.

Ноги по-прежнему были будто ватными, Гена бежал в каком-то безнадежном паралитическом оцепенении, как в кошмарном сне, когда знаешь, что всё равно догонят, однако надо бежать, надо переставлять непослушные ноги, преодолевать эту мерзкую слабость в паху, – и в беспредельном ужасе он продолжал свой панический бег.

Обогнул дом и вбежал во двор, где был второй вход в продовольственный магазин и где работали грузчики. Возле служебного входа никого не было, а на пустых ящиках из-под бутылок лежал брошенный кем-то старый синий рабочий халат, а на нем – берет. Не раздумывая, Гена подхватил на бегу эту спасительную, как ему казалось, камуфляжную форму и побежал дальше, в подъезд, как он знал, выходящий на другую улицу. Не теряя темпа, в подъезде Гена напялил на себя сверху синий халат и натянул берет пониже. При выходе крайне осторожно выглянул налево, потом направо, быстро пересек улицу и побежал по переулку.

Гена подумал, что первая фаза побега ему удалась, что удалось, по крайней мере, если не отменить, то отсрочить неминуемую расправу, и теперь необходимо решить, куда бежать дальше, надо ведь не бесцельно бежать куда-то, а так,

чтобы не нашли. Боковым зрением он уловил, что шагах в двадцати из-за дома появилась какая-то фигура, и бросился в сторону, в соседний двор. Сердце провалилось куда-то в живот, и Гена беспорядочно заметался между домами. Ни в голове его, ни в душе больше не было ничего, кроме предсмертного заячьего крика. Он испытывал только чисто биологическое ощущение преследуемой дичи, когда на карте – жизнь и спасти могут только ноги. Через полминуты судорожных и нелепых рывков из стороны в сторону к нему вернулось человеческое, и он вспомнил, что очертания той, возникшей сбоку, фигуры ничего общего с Валею не имели, и осознал к тому же, что его никто не преследует. Гена бесильно опустился на корточки у стены и попытался привести мысли в порядок и определить, куда двигаться дальше.

Неярко светило ласковое осеннее солнце; было бабье лето, последняя перед зимой мудрая улыбка природы, предназначавшаяся кому угодно, только не Гене, со своей панической суетой в душе никак не вписывавшемуся в теплый и свежий покой двора. Надо было бежать, но куда? Куда бы он ни пошел, там может оказаться Валя, предугадать, вычислить его будущее движение. Надо было поступить парадоксально, побежать в совсем неожиданное место, какое Вале и в голову не могло бы прийти. Ясно, что сейчас надо сесть на любой первый попавшийся троллейбус, автобус и выехать из этого района, а там будет видно. Может, добраться до вокзала, аэропорта, но нет! – с собой ведь нет денег, да и там

вполне может ждать Валя или кто-то из его знакомых. Лучше предположить, что на него уже началась облава.

Тщательно осмотревшись, Гена двинулся через двор к переулку, ведущему к троллейбусной остановке, пробежал переулком метров тридцать и, оказавшись у остановки, юркнул в ближайший подъезд. Он собирался выскочить в последний момент, перед самым отходом троллейбуса, а до этого следить, кто стоит на остановке и кто подходит. Троллейбуса долго, как казалось Гене, не было, и он впервые в жизни пожалел, что не курит.

Когда троллейбус подошел и принял в себя последнего пассажира, Гена рванул из подъезда и вскочил в среднюю дверь. Цепко выхватывая из скопления пассажиров отдельные лица, он стал рыться в карманах в поисках денег за проезд, но вдруг ему пришло в голову, что не надо платить: если водитель потребует, Гена затеет скандал и попадет в милицию, а там отсидится несколько часов, а если повезет, его посадят на сколько-то суток за хулиганство... Водитель не обращался, пассажиры тоже, некому было нахамить вот уже несколько остановок. Он чувствовал нарастающее беспокойство: случайность, один шанс из тысячи, но все же Валя или кто-то из его друзей мог войти и увидеть его. Он чувствовал себя опасно запертым в замкнутом пространстве, снова ощутил физическую потребность куда-то бежать. Гене стало казаться, что его вот-вот схватят, и он еле сдерживался, чтобы не закричать и не броситься к выходу, расталкивая всех.

Опираясь на ускользящие остатки здравого смысла, почти спокойно спросил стоявшего перед ним мужчину, выходит ли тот на следующей. Пассажир обернулся, и Гене показалось, что слишком пристально на него посмотрел, когда ответил, что выходит. Ему почему-то казалось важным не вступить даже в мимолетный контакт ни с кем, сохранять полное одиночество, чтобы его никто не задевал и не трогал, – ведь каждый мог оказаться потенциальным врагом.

Гена выскочил из троллейбуса, побежал и тут же свернул в большой тенистый переулок, сплошь усаженный деревьями. Он поймал себя на том, что движется между деревьями короткими перебежками, на несколько секунд задерживаясь у каждого ствола, как будто в него прицельно стреляли и пока не попали.

Он слегка усмехнулся про себя, подивившись тому, что еще способен на самоиронию, и вдруг увидел, что уехал совсем недалеко: знакомая улица, кафе-мороженое, где он не раз бывал, в котором можно было выпить коньяку. Гена подумал, что ему необходимо выпить, потому что он почти не владеет собой, и побежал через улицу в кафе.

Народу было совсем немного, и Гена еще из-за двери в зал тщательно осмотрел считанных посетителей за столиками и за стойкой бара. Он протянул барменше купюру и попросил сто пятьдесят граммов коньяку.

– В спецодежде не обслуживаем, – услышал он и вспомнил, во что одет.

«Тьфу, глупость!» – подумал Гена, противно-искательно, как часто делают при общении с нашей сферой обслуживания, улыбнулся и тихо добавил:

– Сдачу оставьте себе.

– Какая сдача! – громко сказала «сфера обслуживания».

– Засунь ее себе знаешь куда?

Очень громко она это сказала, и некоторые посетители обернулись.

Гена схватил с тарелочки деньги и быстро пошел к выходу. Вспотевшей спиной он чувствовал все презрение барменши Клавы, которая его даже не узнала. А ведь он в свое время оставил здесь уйму средств, и лично ей на чай – тоже. Валя, между прочим, в прошлом году в день рождения Гены купил ящик шампанского ей и остальным работницам кафе. Они тогда начали праздновать еще утром, а вечером, проводив гостей, оказались в этом кафе, Они тогда здорово догуляли здесь вдвоем, а потом принялись всех угощать. У Гены денег уже не было, но были у Вали – и с понтом заказали ящик шампанского.

«О господи! – Пот на спине Гены стал холодным и липким. – Ведь Валя тоже сюда заходит! И слишком хорошо знает „друга“, так что легко может предугадать его появление здесь. – Боже мой!» – опять обратился Гена не по адресу к тому, к кому взывать сейчас уж ему-то бы не следовало. Хоть какие-то остатки стыда в нем должны были сохраниться!

Но нет! Он порядочно давно и без сожаления расстался

со стыдом, а в тот момент тем более не вспоминал о нем. Им владело одно только чувство – самосохранения. И оно трусливо вопило: «Спаси, Господи! Я ведь здесь на волосок от гибели!»

Это нестерпимо заячье чувство вновь всколыхнулось в Гене и затопило мутной волной. Опять все в нем заметалось и забилося, опять он побежал, едва выйдя из дверей кафе. Он бежал уже вне всякой логики, туда, куда несли ноги, бессмысленно петлял по переулкам, потом бежал по улице и снова – в переулок, перебежал следующую улицу на красный свет, едва не попадая под машину, возвращался назад и снова бежал – в какой-то двор, в какой-то тупик, где его охватывал новый ужас от того, что это – тупик, потом назад – и снова по улице, по проходным дворам, в переулки, когда силы были на исходе, сердце уже стучало в горле, выпученные глаза лезли из орбит, а прохожие оборачивались, скорее всего думая: наверное, этот человек что-то украл и спасается бегством.

Гена заметил взгляды и отчаянным усилием воли заставил себя перейти на шаг. Задыхаясь, прошел несколько метров и вдруг увидел справа вывеску – «Кафе-мороженое». Гена осознал, что прибежал туда же, откуда стартовал пятнадцать минут назад. Он завыл от унижения и бессилия. Ужас на время отступил, уступив место злости на самого себя – за истеричный страх и бестолковый бег.

Он почувствовал всю нелепость своего маскарада, зашел

во двор и брезгливо сбросил с себя халат и берет, затем зашел в ближайший открытый подъезд и поднялся в лифте на последний этаж, чтобы чуть успокоиться и отдышаться. Там минут десять постоял, чутко вслушиваясь в работу лифта и неясные голоса внизу, потом спустился, зло и быстро обошел дом, вошел в кафе и потребовал у барменши коньяка. Не успела та открыть рот, как Гена решительно заявил:

– Я уже не в спецодежде и не на работе! Быстро налей сто пятьдесят коньяка!

Барменша машинально достала бутылку, стаканчик с делениями и стала лить, глядя больше на Гену, чем на деления. В ее глазах появилось узнавание. Требуемая доза была налита. Гена схватил стакан и стал пить, знаком показывая, чтобы Клава дала еще соку, чтобы запить. Клава достала пакет с яблочным соком и участливо спросила:

– Геннадий Сергеевич, это вы, что ли?

– А то кто же! – солидно ответил он, переводя дух и оглядываясь на зал.

– А что в халате заходили? – игриво продолжала допытываться Клава. – Или, может, на работу в наш овощной устроились?

– Нет, – непонятно пошутил Гена, – это я для конспирации.

Коньяк начинал действовать, напряжение немного спало.

– Нет, серьезно, – добавил он. – Так нужно было. Только ты никому не говори, ладно?

– Ладно, – согласилась Клава. – Странный вы какой-то сегодня... Случилось что?..

– Да ничего особенного, – отмахнулся Гена, – пройдет...

За этим его «пройдет» угадывались очертания такой таинственной и страшной драмы, что сердобольная Клава обязана была догадаться о ней и немедленно пожалеть Гену, ведь некому было его сейчас пожалеть. В глазах Клавы мелькнуло сочувствие, она ласково погладила страдальца по руке. Гена и тут был верен себе.

«А что, если к ней попроситься? – подумал он. – Даже пожить у нее какое-то время, рассказать все...»

Но тут Клава, потенциальная жертва очередного Гениного мужского безобразия, сказала:

– А сегодня днем вас тут спрашивали. Друг ваш, помните, в прошлом году, с которым вы у нас гуляли?

– Давно? – спросил Гена вдруг пересохшим ртом.

– Да порядком, – ответила Клава, – часа полтора тому назад.

– Спасибо, – заторопился он, – я пойду... Дела...

– Заходите почаще, – кокетливо предложила барменша в слабой надежде на устройство личной жизни.

– Обязательно, – ответил Гена, улыбнувшись через силу, а про себя добавил: «Если буду жив».

Он вышел на улицу. Голова работала четко, ноги слушались. Гена решил, что выйдет на параллельную улицу и пойдет в сторону от центра, затем позвонит из автомата Любе –

своей старой знакомой, которая никогда не отказывала ему в мелких просьбах, одолжит немного денег, встретится с ней в условленном месте и попросит вывезти на машине за город или до ближайшего места, где можно сесть в поезд и на первое время куда-нибудь уехать. Паспорт, по счастью, с собой, и можно попытаться засесть, затаиться в гостинице любого населенного пункта. «На пару дней, а там посмотрим», – строил Гена свой незатейливый план. Может, в голову придет и что-то поумнее.

План в целом был неплох, лишь бы Люба оказалась дома.

Она была дома. Гена стоял в телефонной будке и, путаясь, запинаясь и бесконечно повторяясь, пытался объяснить Любе суть дела. Он дал себе всего две минуты на разговор, так как боялся, что его кто-нибудь увидит.

– Люба, ты мне очень нужна, – почему-то шепотом говорил Гена, а сам вертелся во все стороны, оглядывая улицу. Люба пыталась что-то сказать, но Гена не давал. – Я попал в беду, потом все объясню. Мне нужны деньги, хотя бы тысяча десять, и твоя машина. Можешь отвезти меня, куда я скажу?

– Что случилось? Что?

– Потом, потом, – торопился он. – Сейчас нужно то, что я сказал, как можно быстрее!.. – В голосе Гены все отчетливее звучала истерическая настойчивость. – Да, да, сейчас, немедленно, я серьезно говорю, я подохнуть могу от этого всего! Прошу тебя, мне очень надо! Люба, миленькая, напрягись, это самое важное, что у меня было в жизни!

Он почти кричал. Голос его звенел в трубке, молил, выли и плакал.

Панической, полубезумной мольбе было почти невозможно отказать; Люба не отказала.

– Гена, успокойся, – сказала она, – возьми себя в руки! – Она уже говорила жестко и управляла ситуацией. – Мне нужно пять минут, чтобы выйти из дома, через пятнадцать минут я в Сбербанке, потом к тебе, ты где находишься?

Гена назвал улицу и уточнил, что ей надо подъехать к перекрестку, а он, как только увидит ее машину, подбежит и сядет.

– И еще, – добавила Люба. – Тебя ищет твой друг, просил срочно позвонить ему, если ты случайно у меня объявишься.

– Кто? – спросил Гена, чувствуя, как из глубины вновь поднимается волна темного ужаса.

– Да Валя же, Валя, – тоже торопясь, ответила Люба. – Ищет тебя, может, тоже по твоему делу, хочет тебе помочь, позвонить ему?

– Ни в коем случае! – закричал Гена так, как будто лезвие ножа входило ему в живот и поворачивалось там. – Не надо!!! Нет! Ты что!

В трубке противно запищало – знак, что время разговора подходит к концу.

– Когда звонил? – перекрикивал писк Гена.

– С полчаса назад. Подъехать даже собирался...

– Не надо! Меня нет! Нет меня ни для кого, поняла?! Ез-

жай быстрее, я тебя жду!

Гена положил трубку и провел ладонью по лицу снизу вверх, смахивая пот, который уже заливал лоб, глаза и капал с носа.

«Что же делать, что же делать?» – думал Гена, быстрыми шагами удаляясь от телефона-автомата и торопясь к месту встречи с Любой, как его остановила вдруг страшная мысль: ведь Валя собирался подъехать к Любе! Боже мой! Валя его действительно слишком хорошо знает и словно предугадывает все его дальнейшие шаги... Все время действует на ход вперед. Странно, что он не появился в кафе еще перед его приходом. Но сейчас больше таких ошибок делать нельзя. Валя ведь знает о его отношениях с Любой: знает, что он обратится к ней за помощью; знает, что Люба ему не откажет, причем догадывается, что он не поедет к ней.

А-а-а, черт! Он уже наверняка знает, что я знаю и о том, что он уже всё знает о моей роли в смерти жены, и, стало быть, знает, что я бегу как заяц и не поеду к Любе, не подставлюсь; он и в кафе поэтому не появился, был уверен, что я буду прятаться, не буду светиться в таком месте, моя глупость меня и спасла, а теперь он наверняка знает, что я попрошу помощи, и Люба поедет ко мне, и, значит, никакого труда не составит просто проследить за Любиной машиной и поймать меня будет проще простого. И из этого всего следует, что идти сейчас на встречу с Любой нельзя...

«А куда, куда?! Люба наверняка уже выехала... Что же

делать?!»

Гена снова заметался, снова его сознание затопил страх, он снова чувствовал себя дичью, у которой нет ни единого шанса спастись; был способен думать только спинным мозгом и испытывал только космический ужас, командующий всем его поведением. И Гена снова побежал. Он опять несся по улицам и переулкам, куда-то сворачивал, не понимая, где бежит, лишь бы бежать, бежал, как слепой, как безумный; в какой-то двор, налево поворот, угол дома, вереница сараев из бордовых досок (доски бордовые, единственное, что успеваешь отметить Генин спинной мозг), дальше – тихий тупичок, группа ребят, сидящих на ящиках, разворот, окрик сзади: «Эй ты, спортсмен, куда спешишь?»; еще быстрее, опять из двора – по улице, по переулку, мимо больницы, мимо кондитерской фабрики, мимо, мимо, дальше, дальше...

Физически он уже был истощен, не мог бежать, но все равно механически переставлял ноги, размахивал руками, хватал ртом воздух, как марафонец Хуберт Пярнакиви, чей трагический пробег последних ста метров на давно прошедших соревнованиях часто показывали по телевизору.

Гена бежал, он убегал, он весь был сплошным бегом, только бегом и больше ничем, хотя со стороны был похож, вероятно, на умирающую, придавленную жабу, ползущую к обочине из последних сил. Он бежал...

Но это должно было когда-нибудь кончиться, когда-то должна была израсходоваться последняя капля энергии. И

он упал. Бег кончился.

Через несколько секунд Гена пришел в себя. Он сел на тротуаре, прислонившись спиной к забору детского сада, поднял голову и увидел прямо перед собой, через улицу, вывеску «Кафе-мороженое». Круг замкнулся. От дверей кафе, как ему показалось, медленно, нереально медленно, к нему шел Валя...

Будто в замедленной съемке он подходил к сидевшему на земле с раскинутыми бессильно ногами – своему бывшему другу. Гена ждал. Он уже не мог никуда бежать, да и страх, как ни странно, отошел на второй план, уступив место нелепому в его положении болезненному любопытству: Гена, словно в кошмарном сне или фильме ужасов, видел себя и всю ситуацию со стороны и ждал, что будет.

Валя подошел и встал над ним. Целую вечность, как показалось Гене, он ничего не говорил, а только смотрел сверху на него – мокрого от пота и страха, сидевшего на асфальте с разбросанными ногами, которые пытался подобрать под себя, но не получалось, и ими он сучил, оставляя на тротуаре темные следы от резиновых подошв.

Пауза была как в не раз виденных Геной в юности ковбойских фильмах, когда встречаются палач и жертва, но жертва тоже некогда была палачом, и поэтому первый палач теперь – вовсе не палач, а воплощение возмездия, торжества справедливости, и симпатии зрителей на его стороне. И вот они после погонь, стрельбы, непопаданий друг в друга и всего

прочего в конце фильма все-таки встречаются, и наступает момент истины, когда все окончательно решится, и один из них должен умереть. Именно сейчас.

Валя молчал, не двигался, в его пустых глазах не было ничего, не было даже гнева; он смотрел на Гену как на вещь, как на камень, лежащий на дороге, а Гена не мог оторвать глаз от его рук и завороченно ждал, когда они появятся из карманов и что начнут делать. Поэтому он пропустил тот момент, когда Валя заговорил, и не сразу понял смысл слов, а когда стал понимать, перевел взгляд на Валино лицо. Он увидел мертвое лицо, на котором еле шевелились только губы.

– Иди отсюда, – выцеживались слова из этих губ, – сейчас иди, а потом я сам тебя найду, сам, понял? Где бы ты ни был, где бы ты ни прятался... Не ты ко мне приползешь, как теленок на убой, а я сам тебя найду... А ты пока живи, ходи и думай об этом... И жди... И бойся... И вспоминай, что ты сделал, и снова жди, жди все время, и я когда-нибудь приду за тобой... Или не приду, еще не знаю, но ты жди и помни... Жди и помни... Все время...

Валя медленно развернулся и пошел обратно через улицу. Вошел в кафе. Дверь за ним захлопнулась. Гена остался сидеть на тротуаре. Он так и не сумел подобрать ноги, и они, будто парализованные, валялись на асфальте двумя грязными обрубками, а между ними медленно растекалась лужица.

От пережитого ужаса Гену начало рвать. Он машинально старался попадать между ногами, но эта жалкая попытка со-

хранить порядок, сидя в собственной луже, была не только неуместной, но и безуспешной: через минуту он все равно оказался забрызганным, облеваным почти до пояса. Его ноги сами ожили и дернулись от омерзения, с которым владелец на них посмотрел.

«Надо бежать», – привычно подумал Гена, но тут же опомнился. Куда бежать? Зачем? Похоже, финальный забег завершился. Но, так или иначе, надо вставать и идти, идти куда-то. Домой или еще куда, но все равно ведь надо...

Он поднялся на дрожащие ноги, опираясь о забор детского сада, точнее, о металлическую ограду, сквозь которую можно было увидеть площадку, качели, скамейки и маленькую избушку для детских игр. Однажды они с Валеёй поздно выпивали и допить то, что у них было с собой, оказалось негде. Они проникли на территорию именно этого детского сада, забрались именно в эту избушку и, чувствуя себя то ли партизанами, то ли хулиганами, весело выпили бутылку водки и для лакировки – бутылку сухого вина. Когда было негде, они с Валеёй искали разные нелепые, но безопасные места, чтобы выпить, и называли этот процесс между собой «выпить на помойке».

«Смотри-ка ты, как все сегодня совпало, – угрюмо подумал Гена, глядя сквозь решетку на этот домик, – сошлось...»

И хотя он убил ее не прямо, не физически, а косвенно, беспокойство и душевный дискомфорт не оставляли его.

– Дядя, как вы запачкались! – услышал он вдруг слева от

себя из-за забора.

Дети вышли на прогулку. На него ехидно смотрела кривоногая девчонка в сползающих колготках и с розовым бантом в ярко-рыжих волосах.

И хотя он убил ее не прямо, не физически, а косвенно, беспокойство и душевный дискомфорт не оставляли его.

– Дядя, вас, наверное, мама будет дома ругать за то, что вы так испачкались, – сказала девчонка, улыбаясь не по-детски.

– Вы, наверное, большой шалун, да?

Гена пошел вдоль ограды, потом обернулся и сказал:

– Да, я... шалун. – Он с удивлением почувствовал, что плачет. – Я большой шалун...

кой она и закончится. Итак, в одной очень богатой семье жила-была и стремительно подрастала красивая девочка. Источником больших денег у главы семьи стало своевременное внедрение в нефтяной бизнес. Финансовый источник в нашей истории роли не играет, тем более что слишком уж он банален. Им могло быть и что-то другое, но все же необходимо объяснить, откуда деньги, на которые отец нашей героини мог позволить себе то, о чем вы узнаете несколько позднее. А главное в этой истории – любовь с ее немислимыми маршрутами и фокусами.

Единственная и любимая дочь, как водится, капризна и избалованна. С самого детства она получает все, что пожелает. Таких игрушек, привезенных со всех уголков планеты, не было ни у кого, кроме нее. Отчасти поэтому девочку никогда не видели ни в яслях, ни в детских садах. Исключительно домашнее воспитание – с няньками и теми, кого прежде называли гувернантками. Учителя, преподаватели английского, французского, испанского... Личные повара и прочее.

И вот в семье случилось несчастье: она, школьница, влюбилась без памяти в артиста Молодежного театра, который в спектакле «Фанфан-тюльпан» исполнял главную роль.

Однажды после спектакля она отважилась попросить у кумира автограф. А он воспринял ее как одну из опостылевших поклонниц, которые всегда тупо отождествляют человека, актера, с изображаемым им персонажем. То есть отнесся небрежно. И на машину глянул мельком и с презрением, ко-

гда водитель окликнул девушку по имени, а она повелительным, хозяйским тоном приказала ждать.

Артист, в которого она влюблена, был воспитан совсем по-другому. Он рос в малообеспеченной, скорее даже бедной семье, и родители с детства привили ему классовую ненависть к олигархам и чиновникам. Поэтому артист по имени Максим, носивший не совсем сценическую фамилию Зябкин, с детства ненавидел богачей, разъезжавших на таких, как у этой девушки, машинах. Он и сейчас не понимал, почему он – талантливый человек с высшим образованием – получает пятнадцать тысяч в месяц, на которые в Москве можно лишь с трудом выживать, но не жить. И при этом еще помогает родителям-пенсионерам. А у этой телки (он уверен, что иначе ее и не назовешь) с рождения есть всё, хотя она (и в этом он тоже уверен) ровным счетом ничего собой не представляет. А он без всякой протекции сам всего добился, приехав в Москву из Ульяновска, где все свое бедное детство жил вместе с родителями. Только недавно мать с отцом, чтобы быть ближе к сыну, обменяли свою довольно большую квартиру в Ульяновске на комнату в коммуналке, да еще и в спальном районе столицы.

Социальному неравенству Максим мог противопоставить только гордость. Вот потому-то он и посмотрел на машину поклонницы как на мусорный контейнер, что, безусловно, ее задело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.